

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.8

Дискуссионные вопросы феномена Нового времени в зеркале современности

А. А. АНТИПОВ

УНИВЕРСИТЕТ ИТМО, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Статья посвящена феномену Нового времени и его влиянию на формирование и пути разрешения проблем современного мира. В работе рассмотрены мировоззренческие, психологические и социально-политические истоки модерна и показано, что опосредованное влияние Античности, принципиально новый формат науки-силы и философии деятельного рационального субъекта, социально-политические процессы между государством и обществом, героизм и мещанство в совокупности стали теми ключевыми факторами, которые привели к формированию буржуазной капиталистической эпохи.

Основными антиномиями, которые рождает нововременной дискурс, являются антиномии о наличии/отсутствии капиталистического духа, ценности рационализма и влиянии глобализации на культуру. Анализ антиномий показал, что утверждение наличия капиталистического духа является умозрительным и необходимо говорить о социально-исторических, политических условиях, которые сформировали определенные поведенческие реакции.

В заключение подчеркивается, что модерн изменил не сущность человека, а средства и условия человеческого бытия, конструкцию реальности, вытеснил созерцательное и установил потребительское отношение человека к миру, поставив при этом вопрос о будущем культуры и человека в условиях сконструированной им «второй природы».

Ключевые слова: модерн; капитализм; буржуазный дух; западная цивилизация; Запад; рационализм; свобода личности; глобализация; мультикультурализм; позитивная философия; будущее человеческой природы

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Нового времени (модерна) в значительной мере, чем другие эпохи, продолжает вызывать у современного общества сильную рефлексю. Это связано с тем, что модерн привел к изменениям ментального характера. Поэтому, несмотря на длительное опосредование постмодернизмом и критику за порожденные глобализацию, утилитаризм, техницизм, экологические проблемы и прочее, приведшие к концу истории и последнему человеку, современник и на уровне принятия, и на уровне отторжения во многом продолжает мыслить категориями модерна, что проявляется во всех сферах: от геополитических, культурных, образовательных, макронаучных — до потребительских. В этом смысле справедливы замечания Б. Латура о проигрыше постмодернизма, противопоставившего технике и науке иррациональность, слабость и пустоту (Латур, 2006: 40–74), и В. Г. Федотовой, которая указывает на тот исторический факт, что «современность — это самопризнание и признание Европы» (Федотова, 2018: 70).

И сегодня, неустанно критикуя современную цивилизацию, в том числе за тотальную модернизацию и опредмечивание, за то, что она не оставляет места традициям и Человеку (не потребителю, а творцу) (Наумова, 2015: 27), последний сознательно, вынужденно либо, напротив, с желанием ориентируется на ценности той парадигмы, которая была сформирована модерном.

Цель нашей работы — выявить актуальные направления дискурса вокруг феномена модерна и попытаться определить перспективу развития модернистских идей. В ходе достижения данной цели ставятся следующие задачи: дать определение и рассмотреть основные истоки модерна; определить основные критические точки обсуждения феномена модерна; выявить степень разрешимости антиномий, которые по-

рождает модернистский дискурс; охарактеризовать ключевые идеи нововременной культуры, относящиеся к современности; попытаться описать будущую траекторию развития модернистских идей.

Теоретическую основу работы составят фундаментальные исследования о становлении и развитии буржуазной культуры В. Зомбарта, Ф. Броделя, Б. Латура, М. Хоркхаймера и Т. Адорно, концепция «трех великих трансформаций» В. Г. Федотовой, В. А. Колпакова и Н. Н. Федотовой, а также работы других отечественных и зарубежных авторов, посвященные современным проблемам, восходящим к эпохе модернизма. Методология исследования представлена генетическим (частично), компаративистским, структурно-семантическим, тезаурусным и другими методами исследования, позволяющими проводить и актуализировать исторические параллели, делать обобщения и выстраивать иерархию наиболее значимых факторов.

ИСТОКИ МОДЕРНА

Так как сугубо исторический аспект феномена Нового времени является в данной работе факультативным, понятие модерна будет рассматриваться в работе не в качестве определенной эпохи, а как особый антропологический сдвиг, породивший новый тип мировосприятия, мышления и экзистенции в целом, связанный с ценностями рациональности, типизации, монетизации (капитализации) и потребительского (в нейтральном смысле) отношения к окружающей действительности.

Первоначально отметим, что, характеризуя причины появления модерна, мы будем обращаться к исследованиям, в которых рассматривается зарождение буржуазности и капитализма, так как вне зависимости от первичности одних процессов по отношению к другим природа их происхождения едина. Разложим их на мировоззренческие, психологические и социально-политические причины.

К мировоззренческим причинам преемственного характера относят влияние античной мысли. Так, М. Вебер, растождествляя античный и новоевропейский типы капитализма, указывает на их общность в таких понятиях, как «меновое хозяйство» и др. (Вебер, 2001: 106). В. Зомбарт говорит как о непосредственной связи «позднейшего античного духа» с «хозяйственными идеями итальянского раннего капитализма» (Зомбарт, 2005: 275), так и об опосредованном влиянии античной философии через этику Св. Фомы на предпринимательство (там же: 35–46, 295–312). При этом, не умаляя факт античного воздействия, следует сказать о том, что именно к модернизму античная культура имеет сильно опосредованное отношение, так как ценность рациональности, определенные демократические идеи, хозяйственные черты капитализма, авторство которых признается за Античностью, по отношению к буржуазному духу остаются лишь теоретическими конструктами за стеной античного космоцентризма и абсолютного примата политического над частным, ярко проявляющимся в *классических* трудах античной демократии (Фукидид, 1965).

Если античная мысль относится к внешним факторам, то влияние религии является уже внутриконтэкстным. Здесь среди исследователей нет однозначного мнения. М. Вебер и согласные с ним говорят о роли «протестантских “ересей”, утверждающих ценность субъекта, индивидуальности, личного проекта жизни» (Иванов, 2010: 82), тогда как В. П. Щербаков задает справедливый вопрос о возможной первичности капитализма по отношению к протестантизму (Щербаков, 2011: 235), а В. Зомбарт считает, что лютеранство, религиозные истоки которого лежат в учении Аквината (Зомбарт, 2005: 311–322), препятствовало капитализму. Вне зависимости от дискуссионно-

сти данного вопроса сам факт религиозного влияния на модернизм (предшествующего, сопутствующего или последующего) является бесспорным.

Определяющая роль в блоке мировоззренческих причин принадлежит философии и науке, особенно взаимосвязанных данной эпохой. В философии появляется «свободный рациональный субъект... способный самостоятельно действовать не только сообразно внешним обстоятельствам, но и изменять их в соответствии с собственными потребностями» (Щербаков, 2011: 234), а наука становится экспериментальной и ориентированной на производство (Иванов, 2010: 83). Очевидно, что данный процесс освобождения науки от созерцательности и факультативности был длительным, но именно контекст эпохи модерна позволил ему начаться и сделать науку преобразовательной силой в руках каждого пользователя.

Психологические причины нельзя считать ни предшествующими, ни последующими, так как они, скорее, находятся внутри вышеназванных как скрытая пружина внешних процессов. Объединяя различные мнения, укажем на три сходящихся и противоположных психологических процесса.

Первый — процесс *героический*: страсть к приключениям и завоеваниям, что выразилось в Великих географических открытиях, последующей колонизации и других менее глобальных процессах, в основе которых «бесконечное стремление к успеху и наживе» (Бродель, 1988: 725).

Второй — процесс обмещанивания, в лоне которого развивались приспособляемость, обида «на сеньоров» (Зомбарт, 2005: 413), ставшая толчком амбициозности и *торжества* как средства ее удовлетворения.

Третий — черты, присущие и героизму, и мещанству: открытость к перманентной новизне (рisku) и высокий уровень организаторства, т. е. умение эту новизну воплотить в действительность.

Синтез этих процессов образует капиталистического предпринимателя, при том что героическое (пассионарное, по Н. Гумилеву) все более исчезает и в итоге остается фактом прошлого (там же: 432). Укажем и на замечание Ф. Броделя, касающееся национального аспекта: это *усилие*, которое в силу обстоятельств проявляли одни нации (европейские) и не проявляли другие (Китай) (Бродель, 1986: 13).

Социально-политические причины, несмотря на их множество и разнородность, также можно укрупнить, указав на магистральную из них. Это разнородные процессы, происходящие между обществом и государством, которые в итоге привели к обществу принципиально нового типа, вне зависимости от того, было ли это взаимодействие идеальным или нет: и в идеальном случае, когда нация и государство создают друг друга (например, Англия) (Бродель, 1986: 8), и в случае, когда общество преодолевает сопротивление государства или консервативной части самого общества. Там, где государство остается ригидным и торжествует консерватизм, при всех усилиях прогрессивной части общества и определенных успехах нация обречена на отставание (Россия) (там же: 16).

АНТИНОМИИ МОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

Мы выделили направления, которые помогут нам обратиться к связанным с ними наиболее крупным полемическим точкам обсуждения феномена модерна. Остановимся на трех, обозначив их следующим образом: буржуазный дух, ценность рациональности, глобализация.

Является ли буржуазный дух национальным генетическим феноменом или само использование понятия «дух» некорректно, и необходимо вести речь о *внегенетиче-*

ских процессах, которые привели либо не привели то или иное государство к буржуазной капиталистической модели общества?

Если В. Зомбарт убежден в существовании такого духа и склонности определенных наций к буржуазности, то Ф. Бродель отрицает наличие какого-либо духа и рассматривает объективные факторы, способствовавшие либо препятствующие капитализму. Поэтому первый говорит о нациях, где восторжествовали те или иные черты буржуазности (страсть к приключениям и завоеваниям у англичан и американцев, торгашество у этрусков, фризов и евреев (Зомбарт, 2005: 269)), а второй утверждает необходимость многовекового развития и совпадения целого ряда факторов для рождения капитализма. Поэтому, в отличие от Европы, Японии и других примеров состоявшегося капитализма, Китаю оказалось недостаточно только торговли (Бродель, 1988: 13), а России мешало непроходимое пространство, государственный патернализм и др. (там же: 20).

Характерно, что, несмотря на явно менее аргументированную позицию Зомбарта и психологизированный характер его теории, как пишут В. Г. Федотова с коллегами, идея наличия/отсутствия капиталистического духа очень популярна в современных отечественных исследованиях, утверждающих, что низкий уровень избегания неопределенности и коллективизм в России (и аналогичных ей странах) препятствуют высокому уровню социально-экономического развития (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008: 40).

Как разрешается антиномия «капиталистический дух есть — капиталистического духа нет»? Конечно, вековое первенство одних наций по отношению к другим заставляет верить в правоту Зомбарта. Но если обратиться к эмпирическому содержанию данного подхода, то обнаруживается, что он оказывается в большей мере спекулятивным и даже художественным. Это связано с очевидным смешением духа и не имеющих к нему отношения внешних факторов. Так, к духу явно не имеет отношения пространство, компактное и легко осваиваемое, с одной стороны (Европа), и непроходимое — с другой (Россия) (Бродель, 1988: 14), а также трата огромных ресурсов на постоянную защиту данного пространства. Ситуации, в которых оказывались разные нации, и цели, вытекающие из этих ситуаций, — также не духовный фактор: одна цель — определяющая задача выживания *среди чужих наций*, и торгашество, ростовщичество как ее средства (евреи), и совершенно другая — постоянная проблема освоения и опять же охраны ресурсов (к тому же трудноосваиваемых), разбросанных по своей огромной территории. Политика государства также не имеет прямого отношения к «духу»: она может способствовать или не препятствовать буржуазным процессам снизу, формированию нового типа общества, или, напротив, жестко пресекать это формирование в случае угрозы собственному институту.

Конечно, если веками и даже тысячелетиями создается одна и та же ситуация, вырабатываются рефлексы (например, западная необходимость личной инициативы — и пресловутая русская наказуемость инициативы), но вряд ли есть научные основания считать их какими-то врожденными склонностями духа. Поэтому в плане разрешения антиномии справедливо говорить о том, что национальные природные склонности к буржуазной деятельности, о которых говорит Зомбарт, — результат определенных поведенческих реакций, которые выработались вследствие повторяющихся объективных условий, подробно описанных Броделем.

Более и спорной является проблема рационализма, так как здесь подключается этический аспект. Количество плюсов и минусов рационализма труднообозримо, по-

этому следует остановиться на главном объединяющем факторе и вывести из него положительные и отрицательные следствия. Этот фактор — проект, и совершенно справедливым является утверждение о том, что Новое время создало «цивилизацию проекта» (Иванов, 2010: 82). Именно в рамках проекта человек осознал свое конструктивное могущество и возможность проектировать и продлять себя: в науке и технике, пространстве, социуме и жизни. Изобретения, которые, например, Х. Арендт выделяет как главные в Новое время, — открытие Америки, Реформация, телескоп (Арендт, 2000: 332) — это именно проектные изобретения, имеющие ценность в своей перспективе принципиально нового отношения к миру — его эксплуатации. М. Фуко уже под углом нововременной методологии обращает особое внимание на появление таблицы и «сетей необходимых связей» (Фуко, 1994: 98), которые позволили, снова говоря словами Арендт, «сморщить» земное пространство «до величины, доступной для человеческого оперирования в рамках его телесных и чувственных масштабов» (Арендт, 2000: 332).

Эта же проектность дает существенные поводы к беспощадной критике рационализма: за отчуждение от земли, мира и калькулятивный тип рациональности (Наумова, 2015: 28), утрату наслаждения от жизни, способности мыслить самостоятельно и все то, что привело к неутоляемой (и не приводящей к гармонии) жажде проектирования, творческому минимализму духа, ограниченного исчислениями практической пользы и выгоды. Эпоха, движителем которой было преодоление традиционной системы сдержек и противовесов и создание условий для реализации открывшихся колоссальных человеческих возможностей, по мнению ряда исследователей, пришла к тотальному подавлению личности, но уже не мифологией и клерикализмом, а рационализмом. Наиболее яростные критики модернистского проекта назвали этот путь «отречением от смысла и заменой причины правилом и вероятностью» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 18), а также «прометеевским позором», имея в виду, в том числе, преклонение человека перед машиной (Toscano, 2016: 598).

Несмотря на то что разрешить антиномию «рационализм — благо» — «рационализм — зло» очень сложно, укажем на кроющуюся в ней очевидную ошибку.

Бесспорно, рационализм создал пространство возможностей, которыми с большим или меньшим успехом *воспользовался* человек, т. е. возможностей, не имеющих нравственной окраски. Здесь, как и в случае с *буржуазным духом*, путаница — между инструментом и человеческой природой. Изобретению лекарств, техники и других благ не имеет смысл противопоставлять наркотики, тоталитаризм, фашизм (Хоркхаймер, Адорно, 1997), духовную деградацию, атомную бомбу, так как все это — продукты *инструмента*, актуализированные Новым временем, а побочные следствия применения инструмента не имеют отношения к модерну.

Проблема глобализации в выделенной нами «триаде» «буржуазный дух, ценность рациональности, глобализация» — самая масштабная — не в силу глубины содержания, а потому, что является частью непрекращающихся *глобальных* дискурсов культурологического и социально-политического характера.

К положительным (хотя и не бесспорным) сторонам глобализма следует отнести создание пространства единых ориентиров и ценностей, которые стали главным критерием обретения *цивилизованного* статуса. И многие государства, нации, никогда не входившие в *модернистскую семью*, с большей или меньшей мерой осознанности стремятся именно к сформированным ею правилам: всестороннему равенству возможностей, наукоцентризму, производству и демонстрации продуктов, которые будут востребованы на *глобальном* уровне. На уровне «Я» происходит существенное

расширение сознания, в том числе за счет возможности приобщения к общедоступным информационным потокам; появляется немислимая в границах традиционной постфигуративной культуры (по М. Мид) возможность выходить за рамки различных *привязанностей*, правил и выстраивать собственную траекторию жизни, в том числе имея возможность примерять различные идентичности.

Соответственно, исходя из вышесказанного, основная претензия к глобализму — разрушение идентичности и порождение «культурного беспамятства», «метафизики пустоты» (Панарин, 2002: 103, 107–111). Это разрушение также повлекло демонтаж стабильности и определенности путем создания информационного и мультикультурного хаоса с полным произволом «Я».

Выраженной компрометирующей чертой глобализма на современном этапе является нивелирование или, точнее, подмена созданных в его же рамках единых правил, когда их место занимает право сильного, *подающееся* как всеобщая необходимость и справедливость.

Наверное, следует признать что антиномия «глобализм созидает — глобализм разрушает» справедлива и трудноразрешима. Более того, в данном случае нет смысла искать компромисс, но следует признать данность: пространство глобализма, даже если называть его пространством «социал-дарвинистских джунглей» (Панарин, 2002), неизбежно расширяется, стирая все больше границ, *защищающих* идентичности. Но если мы признаем следствием глобализации разрушение «культурных ядер», имеет смысл задуматься над причинами, которые могут крыться в слабости самих ядер, отсутствии (или, более того, нежелании) сопротивления, а значит, потенциальной или реальной обреченности на поглощение механизмом глобализации.

БУДУЩЕЕ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕЙ НОВОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Как видим, эпоха модерна, разрушившая традиционную картину мира и систему взаимоотношений «мир — человек», порождает много противоречий. Несмотря на это, современное общество и современная культура в целом следуют именно его идеям.

В глобальном цивилизационном плане это следование или отказ от тех траекторий развития, которые рассмотрены В. Г. Федотовой в рамках предложенной типологии цивилизаций: органически-инновационный путь, присущий западным странам; неорганически-мобилизационный, характерный для бросивших «вызов» Западу стран, которые могут избрать траекторию сохранения идентичности при нахождении источников развития либо траекторию медленной смены идентичности; инновационно-мобилизационный — путь новых индустриальных стран Юго-Восточной и Южной Азии; постколониальный, присущий странам третьего мира; условный архаический путь неразвивающихся стран, говоря словам Л. Гумилева, в «мемориальной» стадии (Федотова, 2015: 51–52). Наиболее *драматичным* из названных является неорганически-мобилизационный путь, по которому, в том числе, идет современная Россия. Это драматизм обусловлен необходимостью сохранения культурного ядра, идентичности при задаче достичь социально-экономического уровня органически-инновационных стран. И в современных условиях глобального политического противостояния России западному миру перспектива разрешения данной дилеммы представляется отдаленной.

В социальном плане это прежде всего идея освобождения человека и общества от условностей и стереотипов, которые препятствовали всестороннему развитию личности либо тормозили его. Данное освобождение, «*расколдовывание*», по М. Веберу, мира послужит началом формирования основ гражданского общества как главного

критерия цивилизованности сегодня. Если воспользоваться знаменитым образом из критики Ф. Бэконом аристотелевской философии, то можно говорить о том, что человек освободился от паутины, сдерживавшей его на пути самовыражения, тем более что «постиндустриальный мир требует интеллектуально и социально зрелого человека, осознающего себя субъектом коэволюции планетарного социоприродного Универсума» (Социально-философский анализ ... , 2013: 202).

Модернистская концепция науки-силы на сегодня проникла во все сферы жизни и привела к созданию нового типа информационного общества и новому типу *цифровой* культуры.

Для философии и *наук о духе* модернизм в своем развитии — это испытание и возможность доказывать свой прагматический статус: философия проходит опосредование прагматическими формами и временно становится аспектом *наук о природе*, но при этом проникает в их сущность.

Каким может быть развитие данных идей — свободы, науки и позитивной философии — в условиях современного мира?

Свобода. Нельзя утверждать, что идея социальной свободы и преодоления стереотипов будет развиваться беспрепятственно. Европейское стремление преодолеть все стереотипы, в том числе стереотип пола родителей, вызывает сопротивление не только у представителей более или менее консервативных культур, но и в самих европейских странах (Dorothy Cummings, McLean, 2018: Электронный ресурс). Более того, страны развитого капитализма переживают сегодня своего рода обратную колонизацию и вынуждены адаптировать в своем буржуазном пространстве возрастающее число носителей домодернистских и даже антимодернистских ценностей, нередко активно сопротивляющихся данной адаптации. Возможен ли компромисс, каким он будет или мы увидим в условиях развитого капитализма торжество определенных *постфигуративных* форм? Ответы на эти вопросы покажет время.

Наука. Современная наука давно достигла основной модернистской цели — принести конкретный практический результат, говоря словами Ж. Лиотара, обрести легитимность через результативность. И сегодня речь уже идет не о технической и технологической замене человека, а появлении нового субъекта *Cogito* — искусственного разума. И, с одной стороны, можно восхищаться той высотой, которой усилиями человека достигла наука, взявшая старт в Новое время, с другой — встает вопрос не просто о подчинении человека машине и *прометеевском разрыве*, а о смысле человеческого существования, его нужности в мире, где цифровая реальность станет (и становится) самодостаточной.

Позитивная философия и науки о духе. Вынужденное приспособление философии к техническим и естественным наукам обогащает ее содержание. Но возникает вопрос: как долго философское знание будет носить прикладной характер, которое ему было дано в Новое время? Для философии, духа социально-гуманитарного знания длительное подчинение грозит утратой изначальной сущности, а возвращение к эпохе Дюркгейма и повторной демаркации областей знаний с сохранением их компетентности уже вряд ли возможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги нашей работы в соответствии с ранее поставленными задачами.

Мы рассмотрели истоки появления и развития феномена модерна, разложив их на мировоззренческие, психологические и социально-политические причины. Заимство-

вание и переосмысление античных идей, либеральные и *рационально-хозяйственные* аспекты религии, прогрессивная наука, психология героев и мещан, социально-политические процессы между обществом и государством — те причины, которые в ряду других привели к появлению принципиально иного типа общества, мышления, экономики и политики, ориентированных не на традиционные ценности, а на создание ценностей здесь и сейчас для реализации насущных проблем свободным в своем выборе человеком.

Наиболее существенные противоречия в контексте дискурса о модерне связаны с вопросами о наличии капиталистического духа, ценности рационализма и глобализации. Мы попытались показать, что утверждение врожденного капиталистического духа, отличающего одни нации от других, малообоснованно и необходимо говорить о постоянных повторяющихся условиях, которые вырабатывают устойчивые поведенческие реакции на них. Поэтому необходимо вести речь не о склонности одних наций к капитализму и несклонности других, а об исторических, социально-политических, географических и других условиях, которые позволяли либо не позволяли формироваться буржуазной культуре.

Антиномия «рационализм — благо» — «рационализм — зло» является ошибочной, так как происходит подмена понятий, и условия, которые дает рационализм, начинают оценивать через рожденные им следствия, на самом деле связанные с природой человека.

Наиболее проблемная антиномия «глобализм созидает — глобализм разрушает» также может быть разрешена, если мы признаем, что сохранение национальной идентичности зависит от самой нации, сохраняющей «культурное ядро». И если культура поглощается глобализмом, нужно искать причины в ее носителях — их желании/нежелании бороться за идентичность либо слабости перед ценностями мультикультурализма.

Были определены главные ценности модернизма, актуальные для современности: идея личностной свободы, освобождения от условностей и стереотипов и потенциально неограниченной свободы действий в системе взаимоотношений «человек — мир», «человек — общество», «человек — человек»; концепция науки-силы, которая саморазвивается и проникает во все сферы жизни, становится неотъемлемым способом достижения общественного блага; обогащение содержания философии и наук о духе, которые оказались в условиях доминирования наук о природе и стремятся проникнуть в их сущность с позиции собственных методологических принципов.

Главные ценности модернизма могут иметь разные варианты развития в современных условиях.

Идея модернистской свободы, мультикультурализма имеет существенное противостояние со стороны представителей традиционных культур, которые, в том числе, становятся частью европейского социума.

Развитие научного знания, которое привело к цифровой культуре и порогу создания искусственного интеллекта, ставит вопрос о будущей роли человека, его ценности и востребованности как субъекта *Cogito*.

Философии и наукам о духе после опосредования естественно-научным и техническим знанием необходимо освободиться, возвращая самобытный статус, иначе есть угроза того, что временный статус прикладных наук может стать постоянным.

В заключение скажем о том, что антропологический сдвиг, который был совершен культурой Нового времени, не означает изменения человеческой природы. В. П. Щербаков не случайно приводит слова Б. Латура о том, что нововременной человек — это

не сверхчеловек с объективной точкой зрения на мир, очищенной от мифологии, а такой же, как и представитель традиционной культуры, человек со свойственным антропоморфизмом (Щербаков, 2011: 239). Модерн изменил не человека, а условия и возможности его действий: «мы, как и первобытные люди, живем в мире иллюзий, от которых, по всей вероятности, невозможно избавиться. Но это не означает, что реальность скрыта от нас. Напротив, наш мир не менее, но и не более реален, чем мир традиционной культуры. Меняется лишь конструкция, а не технология производства этой реальности, которая состоит в соединении различных компонентов практической жизни в гибридные единицы научного и обыденного знания» (там же). Этот синтез, опосредованный культурно-антропологическими, идеологическими и другими составляющими, определяет траектории (концепт П. Вагнера) (см.: Федотова, 2018: 69) дальнейшей модернизации, «третьей современности XXI века» (Федотова, 2015: 33) и детерминирует соответствующие пути дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт, Х. (2000) *Vita Activa*, или о деятельной жизни. СПб. : Алетея. 437 с.
- Бродель, Ф. (1986) Материальная цивилизация и экономика капитализма в XV–XVIII вв.: в 3 т. М. : Прогресс. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.
- Бродель, Ф. (1988) Материальная цивилизация и экономика капитализма в XV–XVIII вв.: в 3 т. М. : Прогресс. Т. 2. Игры обмена. 634 с.
- Вебер, М. (2001) *Аграрная история Древнего мира*. М. : КАНОН-Пресс-Ц ; Кучково поле, 560 с.
- Зомбарт, В. (2005) *Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. СПб. : Владимир Даль. 640 с.
- Иванов, А. А. (2010) Интеллектуальные практики в социальных процессах цивилизации модерна // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. №1–2. С. 81–86.
- Латур, Б. (2006) *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 146 с.
- Наумова, Е. И. (2015) Концепция нововременного типа рациональности в философии Х. Арендт // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. №2 (28). С. 26–33.
- Панарин, А. С. (2002) *Искушение глобализмом*. М. : ЭКСМО-Пресс. 416 с.
- Социально-философский анализ модернизации (2013) / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН. 221 с.
- Федотова, В. Г. (2015) *Модернизация и культура*. М. : Прогресс-Традиция. 334 с.
- Федотова, В. Г. (2018) Социокультурные образы модернизации конца XX — начала XXI века: Россия и мир // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 59–73. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.6
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М. : Культурная революция. 608 с.
- Фукидид (1965) Из речи Перикла над могилами воинов // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. / сост. Н. Ф. Дертани, Н. А. Тимофеева. М. : Просвещение. Т. 1. 679 с. С. 37–41.
- Фуко, М. (1994) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб. : А-сэд. 408 с.
- Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997) *Диалектика Просвещения*. М. : Медиум. 311 с.
- Щербаков, В. П. (2011) Антропотехнологии Нового времени: производство «человека экономического» // Вестник торгово-технологического института. №1 (4). С. 233–239.
- Dorothy Cummings, McLean (2018) Italy to restore 'mother... father' on website forms, replacing 'parent 1... parent 2' [Электронный ресурс] // Lifesitenews.com. Aug. 14 URL: <https://www.lifesitenews.com/news/italy-to-restore-mother...father-on-website-forms-replacing-parent-1parent> (дата обращения: 14.08.2018).

Toscano, A. (2016) The promethean gap: Modernism, machines, and the obsolescence of man // *Modernism / Modernity*. September. Volume 23. Number 3. P. 593–609.

Дата поступления: 30.09.2018 г.

DEBATABLE QUESTIONS OF THE PHENOMENON OF MODERN ERA
IN THE MIRROR OF MODERNITY

A. A. ANTIPOV
ITMO UNIVERSITY

The article analyzes the phenomenon of the Modern Era, its impact on the problems of the modern world and the search for ways to solve them. It considers its ideological, psychological and socio-political roots and shows the indirect influence of antiquity, a fundamentally new format of science-power and philosophy of an active rational subject, social and political processes between the state and society, heroism and the bourgeoisie, which led to formation of the bourgeois-capitalist era.

Discourse around the phenomenon of Modern Era gives rise to the following antinomies: the presence/absence of the capitalist spirit, the value of rationalism, and the influence of globalization on culture. The analysis of the antinomies showed that the assertion of the presence of the capitalist spirit is speculative. Instead, it is necessary to take into account the socio-historical and political conditions that have formed certain behavioral responses.

In conclusion, it is emphasized that the Modern Era has changed not the essence of man, but the means and conditions of human existence, the construction of reality, replaced the contemplative and established the consumerist attitude of man to the world, while raising the question of the future of culture and man in terms of the «second nature» created by them.

Keywords: Modern Era; capitalism; bourgeois spirit; Western civilization; West; rationalism; individual freedom; globalization; multiculturalism; positive philosophy; future of human nature

REFERENCES

Arendt, X. (2000) *VitaActiva, ili o deyatel'noj zhizni*. St. Petersburg, Aletejya publ. 437 p. (In Russ.).

Braudel, F. (1986) *Material'naya civilizatsiya i ekonomika kapitalizma v XV–XVIII vv., vol. 1. Struktury posvednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Moscow, Progress publ. 623 p. (In Russ.).

Braudel, F. (1988) *Material'naya civilizatsiya i ekonomika kapitalizma v XV–XVIII vv., vol. 2. Igra obmena*. Moscow, Progress publ. 634 p. (In Russ.).

Weber, M. *Agrarnaya istoriya Drevnego mira*. Moscow, KANON-Press-C, Kuchkovo pole publ. 560 p. (In Russ.).

Sombart, V. *Burzhua: etyudy po istorii dubovnogo razvitiya sovremenno ekonomicheskogo cheloveka*. St. Petersburg, Vladimir Dal' publ. 640 p. (In Russ.).

Ivanov, A. A. (2010) *Intellektual'ny'e praktiki v social'ny'x processax civilizatsii moderna*. Uchenye zapiski komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, no 1–2, pp. 81–86.

Latour, Bruno. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta in St. Petersburg, 146 p. (In Russ.).

Naumova, E. I. (2015) *Koncepciya novovremennogo tipa racional'nosti v filosofii H. Arendt*. Vestn. Volgogr. gos. un-ta, ser. 7, philosophy, no 2 (28), pp. 26–33.

Panarin, A. S. (2002) *Iskusenie globalizmom*. Moscow, E'KSMO-Press publ. 416 p.

Social'no-filosofskij analiz modernizatsii (2013). Kollektivnaya monografiya. Rossijskaya akademiya nauk, Institut filosofii / ed. by V. G. Fedotova. Moscow, Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk. 221 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2018) Sociokul'turnye obrazy modernizatsii konca XX — nachala XXI veka: Rossiya i mir, *Znanie. Poniwanie. Umenie*. no 2. pp. 59–73. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2018.2.6>.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 607 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2015) *Modernizatsiya i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiya publ. 334 p. (In Russ.).

Thucydides. (1965) *Iz rechi Perikla nad mogilami voenov*. Hrestomatiya po antichnoj literature / comp. by N. F. Bertani, N. A. Timofeeva, vol. 1. 679 p. Moscow, Prosveshhenie publ. P. 37–41. (In Russ.).

Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, A-cad publ. 408 p. (In Russ.).

Horkheimer, Maks and Adorno, Theodor. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya*. Moscow, Medium publ. 311 p. (In Russ.).

Shcherbakov, V. P. (2011) *Antropotekhnologii Novogo vremeni: proizvodstvo «cheloveka ekonomicheskogo»*. Vestnik torgovo-tekhnologicheskogo instituta, no 1 (4). Pp. 233–239. (In Russ.).

Dorothy Cummings, McLean (2018) *Italy to restore «mother... father» on website forms, replacing «parent 1... parent 2»* [online]. Lifesiteneews.com, Aug. 14 Available at: <https://www.lifesiteneews.com/news/italy-to-restore-mother...father-on-website-forms-replacing-parent-1parent> [archived in WebCite] (accessed: 14.08.2018). (In Eng.).

Toscano, A. (2016) *The promethean gap: Modernism, machines, and the obsolescence of man*. Modernism / Modernity, vol. 23, no 3. Pp. 593–609. (In Eng.).

Submission date: 30.09.2018

Антипов Антон Александрович — кандидат филологических наук, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Чайковского 11/2, ауд. 410. Тел.: +7 (931) 230-75-05. Эл. адрес: aantipov80@mail.ru

Antipov Anton Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Technology Management and Innovation, ITMO University. Postal address: 410, 11/2 Chaykovskogo St., St. Petersburg, Russian Federation, 195043. Tel.: +7 (931) 230-75-05. E-mail: aantipov80@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.9

Запах: чутье бытия в информационную эпоху*

К. А. ОЧЕРЕТАНЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Поскольку цифровые медиа работают в формате производства значения, постольку все, что не переводится в формат информационного сообщения, представляет для них радикальную проблему. Одна из таких проблем — трансляция запаха. В медиа запах — знак успеха, условие внимания и гарантия признания, но он отсылает от одних вещей к другим, от одних представлений к иным, он не развертывает глубинное измерение вещей как в древних ритуалах (начиная с приготовления пищи и заканчивая сжиганием мертвых).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Концептуальный язык русской философии как инструмент исследования медиареальности», грант №17-03-50159-ОГН).

The reported study was funded by RFBR (research project “Conceptual Language of the Russian Philosophy as a Mediareality Research Tool”. Grant No. 17-03-50159-OGN).